

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

«Общеславянский элемент в русской культуре» — одна из четырех статей, или глав, в книге Н. С. Трубецкого «К проблеме русского самопознания», изданной «Евразийским книгоиздательством» в 1927 г. в Париже. Три статьи из этого «собрания статей» («Об истинном и ложном национализме», «Верхи и низы русской культуры» и «О туранском элементе в русской культуре») печатались ранее — первые две в сборнике «Исход к Востоку» (София, 1921, с. 71—103), третья в «Евразийском Временнике» № 4 (Берлин, 1925, с. 351—377). Для Н. С. Трубецкого все четыре статьи представляли собой единое целое. Он писал, что «одним из самых важных понятий, лежащих в основе евразийского учения, (м[ожет] б[ыть] прямо самым важным) является понятие личности. На этом понятии строятся и философская, и историсофская, и социологическая, и политическая сторона евразийства. При этом, евразийство значительно углубляет и расширяет понятие личности, оперируя не только с частночеловеческой, но и с многочеловеческой, «симфонической» личностью. Так, личностью с евразийской точки зрения является не только отдельный человек, но и народ. Мало того, даже целая группа народов, создавших, создающих и могущих создать особую культуру, рассматривается как особая личность: ибо культура, как совокупность и система культурных ценностей, предполагает целесообразное творчество, а такое творчество предполагает личность, немислима без личности. Т[аким] о[бразом], наряду с частночеловеческими и многочеловеческими существуют личности многочеловеческие, как частнонародные, так и многонародные. Всякая личность конкретно проявляется в каком-нибудь определенном своем состоянии или индивидуации» («К проблеме русского самопознания», с. 3). Во введении «От автора» Н. С. Трубецкий пояснил, что в первой статье «Об истинном и ложном национализме» им «поставлена проблема самопознания как нравственного долга всякой личности и указана связь между самопознанием и практической жизнью частночеловеческой и многочеловеческой личности. Остальные три статьи [в том числе и „Общеславянский элемент...“ (примеч. наше.— Н. Т.) посвящены отдельным конкретным вопросам самопознания русской народной личности <....>. Статья „Верхи и низы русской культуры“ ... ставит в общем виде вопрос о взаимоотношении между русской этнологической личностью и соприкасающимися с ней другими этнологическими личностями. Несмотря на то, что личность как таковая неповторима и неразложима, между отдельными личностями существуют общие отдельные черты. Две личности никогда не могут быть совершенно одинаковыми, но могут быть очень похожи друг на друга. <...> Сравнительное изучение внешнего проявления нескольких соседних друг с другом этнологических личностей позволяет делать заключения о характере духовного родства между этими личностями. <...> Статья „О туранском элементе в русской культуре“ <...> заключает в себе определение некоторых основных черт туранского психического облика путем синтетического этнософского рассмотрения конкретного этнографического материала. Это дает возможность указать и в жизни русского народа, как в прошлом, так и в настоящем, те психические черты, которые роднят его с туранской психикой, и определить, какое значение имели и имеют эти черты для русской народной личности» (с. 7—8). Наконец, заключительная четвертая статья «Общеславянский элемент...» кратко характеризуется самим автором следующим образом: «Если с туранством русский народ связывается преимущественно известными чертами своего психического облика, то со славянством русский народ связан своим языком. Дело в том, что „туранство“, в том смысле как оно трактуется в третьей статье настоящего сборника, не есть ни расовое, ни строго-лингвистическое единство, а единство этнопсихологическое; „славянство“ же есть исключительно лингвистическое понятие. При помощи языка личность обнаруживает свой внутренний мир; язык является основным средством общения между людьми, а в процессе этого общения создаются многочеловеческие личности. Этим уже определяется важность изучения жизни языка с точки зрения персонологии. Судьбы и специфические свойства русского литературного языка чрезвычайно важ-

ны для характеристики русской национальной личности, точно так же как важно для этой характеристики и самое положение русского языка среди других. Рассмотрение этих вопросов заставляет поставить и вопрос о культурных преемствах и наследованиях, — вопрос, выходящий за пределы одной лингвистики, и долженствующий становиться и решаться одновременно и параллельно несколькими науками: при исследовании русской народной личности проблема культурных преемств является одной из центральных» (с. 8—9).

«Общеславянский элемент в русской культуре», таким образом, является частью более широкого культурно-исторического полотна, написанного Н. С. Трубецким для того, чтобы охарактеризовать общерусскую, «симфоническую» национальную (или для ранних периодов «этнологическую») личность. Этот момент следует учитывать и только с этим учетом оценивать всю статью в целом. Затем следует иметь в виду, что статья написана не для читателя-лингвиста, а для русского интеллигента, призванного евразийцами, во главе которых стоял Н. С. Трубецкой, обратиться к своему национальному самосознанию и заняться самопознанием. Следует учитывать также, что статья написана в условиях беженства, вынужденной эмиграции, во время, когда проходила «смена веков», критическая оценка пройденного пути, когда революция кругом ученых, близких к Трубецкому, воспринималась как данность, как закономерность, а нарождающийся национал-социализм и фашизм как величайшая опасность и для русского народа, и для всего человечества. Наконец, нельзя не понимать, что статья была написана более шестидесяти лет тому назад, когда, к примеру, развитие белорусского литературного языка было не совсем ясным и когда многое выглядело по-иному. Поэтому не следует заострять внимание на некоторых пропусках, неточностях и особенно спорных положениях в статье Трубецкого, а важно почувствовать его прозорливость и ощутить его умение мыслить не десятилетиями, а столетиями, веками, сосредотачиваться не на малых регионах, а на культурных континентах, какими являются Европа, Азия и Евразия.

Издательство «Прогресс» готовит к выходу в свет том основных евразийских трудов Н. С. Трубецкого. Этот том даст нам возможность увидеть знаменитого русского лингвиста, культуролога и «историсофа» полнее и явственнее, но все еще не во всей полноте, т. к. остаются неизданными на его родине многочисленные филологические и литературоведческие труды. Книга «К проблеме русского самопознания» и статья «Общеславянский элемент...» не переиздавались. В нашей стране книгу, но понятным причинам, знали немногие, в том числе и В. В. Виноградов. По менее понятным и объяснимым причинам на нее мало обращали внимания за рубежом в последние полвека. Этой публикацией журнал «Вопросы языкознания» отмечает столетие со дня рождения Н. С. Трубецкого.

Н. И. Толстой

© 1990 г.

ТРУБЕЦКОЙ Н. С.

ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЭЛЕМЕНТ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

I

Что русский язык — язык славянский, это всем известно. Но очень мало кто из не-специалистов ясно представляет себе, какое именно положение занимает русский язык среди других славянских языков. Хотя языковедение достигло в России высокой степени развития, и русские языковеды пользуются всюду за границей хорошей репутацией, средний образованный русский человек как раз в области языковедения имеет очень слабые и часто приватные познания. Поэтому, пред тем как говорить о русском языке, как элементе русской культуры, мы считаем нелишним рассмотреть некоторые основные общие понятия.

Следует различать два понятия: язык народный и язык литературный. В конце концов, всякий литературный язык развился из какого-нибудь народного и постоянно испытывал на себе так или иначе влияние какого-нибудь народного языка. Но, все же, литературный и народный языки вполне никогда не совпадают друг с другом и развиваются

каждый своими путями. Язык народный имеет склонность к диалектическому дроблению, тогда как литературный, наоборот, имеет склонность к нивелировке, к установлению единообразия. Дифференциация существует во всяком языке, как народном, так и литературном. Принципы дифференциации тоже всюду одни и те же: это, с одной стороны — принцип географический (дифференциация по местностям), с другой — принцип специализации (дифференциация по видам специального применения языка). Но при дифференциации народного языка преобладает принцип географический: между языком отдельных профессиональных или бытовых групп (земледельцев, рыбаков, охотников и т. д.) всегда существуют известные различия, но различия эти менее сильны, чем различия между говорами отдельных местностей. Наоборот, в дифференциации литературного языка принцип специализации преобладает над географическим: образованные люди, происходящие из разных местностей, говорят и пишут не совсем одинаково, и по языку произведений писателя часто можно легко определить, откуда он родом, но гораздо сильнее выступают в литературном языке различия по видам специального применения, напр. различия между языком научной прозы, деловой прозы, художественной прозы, поэзии. Р а з г о в о р н ы й язык может быть чисто литературным, чисто народным или представлять из себя смесь литературного и народного языка в различных пропорциях. От степени образования и «культурности» данного индивида зависит, какой именно вид разговорного языка является для него наиболее привычным и естественным, а от привычности и естественности зависит и свобода пользования данным видом разговорного языка и правильность его употребления. Но кроме степени умственного развития и образования играет роль также и самый предмет разговора. На известных ступенях образования один и тот же человек может с полной свободой, правильностью и естественностью применять литературный язык в разговоре (или письме) об известных предметах, в разговоре о других предметах применять смесь литературного и народного языка, и, наконец, о некоторых других предметах может свободно и естественно говорить только на народном языке. Играет роль, разумеется, и то, с кем именно ведется разговор или переписка. Таким образом, сожителство народного и литературного языка в среде одного и того же национального организма определяется сложной сетью взаимно перекрещивающихся линий общения между людьми. Если ко всему этому прибавить и то, что как народный, так и литературный язык не остаются неизменными, а, наоборот, непрерывно развиваются, притом, каждый по своим законам и в своем направлении, то получается очень сложная картина жизни языка. Объять всю эту картину почти невозможно, и поневоле приходится ограничиваться только рассмотрением отдельных ее частей.

Основным явлением в эволюции народного языка является диалектическое дробление и «распадение».

Народный русский язык есть язык с л а в я н с к и й, притом, восточнославянский. Называя русский народный язык славянским, мы этим хотим сказать, что язык этот, путем постепенных изменений, развился из более древнего языка, из которого путем ряда других изменений развились языки польский, чешский, сербохорватский, болгарский и т. д. Этот древний язык, из которого путем различных изменений развились все славянские языки, мы называем «общеславянским праязыком» или «праславянским языком». В свою очередь, этот праславянский язык был языком и н д о е в р о п е й с к и м, т. е. развился путем разных изменений из того же «индоевропейского праязыка», из которого путем разных других

изменений развились языки индийские, иранские, армянский, греческий, италийские (во главе с латинским), кельтские, германские, «балтийские» (т. е. литовский, латышский и вымерший древнепрусский) и албанский. Когда мы говорим, что праславянский язык развился из индоевропейского праязыка, а русский язык — из праславянского, то при этом представляем себе следующий процесс: каждый живой народный язык всегда заключает в себе несколько диалектов, каждый из которых стремится к обособлению: обычно все диалекты одного языка развиваются параллельно и претерпевают более или менее одновременно одни и те же изменения; но наряду с этими общими всем диалектам данного языка изменениями, каждый отдельный диалект претерпевает и другие изменения, свойственные лишь одному ему или разве еще некоторым соседним диалектам; с течением времени таких частнодиалектических изменений накапливается все больше и больше, нарушается и самый параллелизм развития, т. е. даже одни и те же изменения в разных диалектах следуют друг за другом не в одном и том же порядке, что еще углубляет различие между диалектами; наконец, наступает такой момент, когда изменения, общие всем диалектам данного языка, вообще перестают возникать, а возникают лишь изменения, свойственные отдельным диалектам или группам таких диалектов; с этого момента данный язык можно считать уже *р а с п а в ш и м с я*, т. е. утратившим свое единство, как «субъекта эволюции», и единственными «субъектами эволюции» оказываются уже отдельные диалекты. С того момента как развитие данного диалекта настолько уклонится от развития соседних диалектов, что представители этих диалектов утратят возможность свободно понимать друг друга без посредства переводчика, можно считать, что данный *д и а л е к т* уже превратился в самостоятельный *я з ы к*. Таким образом, утверждая, что народный русский язык развился из праславянского, мы утверждаем, что русский язык в каких-то очень древних стадиях своего развития был диалектом праславянского языка, и тем самым предполагаем, что в составе праславянского языка существовал особый «прарусский» диалект, точно так же, как и другие диалекты, «прапольский», «прачешский» и т. д. А утверждая, что праславянский язык развился из индоевропейского, утверждаем существование в составе индоевропейского праязыка особого «дославянского» или «допраславянского» диалекта, наряду с диалектами «догерманским», «догреческим» и т. д.

Из данного выше определения понятия «распадения языка» вытекает, что за момент этого распада можно принять момент последнего изменения, общего всем диалектам данного языка. По отношению к праславянскому языку таким последним изменением, свойственным всем диалектам этого языка, является, так называемое, «падение слабых еров». Дело в том, что в праславянском языке существовали особые очень краткие гласные *ъ* и *ь* (из которых *ъ* было по качеству гласной средней между *у* и *о*, а *ь* — гласной средней между *и* и *е*). Эти гласные в одних положениях (напр., в конце слова или перед слогом, заключающим в себе другие, нормально-сильные гласные) были «слабы», т. е. звучали особенно кратко, а в других положениях (напр., перед сочетанием «*р* или *л* + согласная», далее, перед слогом, заключающим в себе «слабое» *ъ* или *ь*) были «сильны», т. е. имели приблизительно такую же длительность, как всякие другие нормально-краткие гласные. Последним общим всем диалектам праславянского языка звуковым изменением было полное исчезновение в произношении слабых *ъ* и *ь*. Явление это охватило все праславянские диалекты, но произошло в одних диалектах раньше, в других — позже. По-видимому, все это изменение шло с юга. У южных

славян слабые ъ, ь исчезли очень рано, во всяком случае уже в XI в. (местами м. б. даже в X в.), а от южных славян исчезновение слабых ъ, ь передалось другим славянам, причем наиболее отдаленных частей славянской территории (напр. русского севера) это явление достигло только к XIII в.

Наречия, на которые распался праславянский язык, составляют три группы: южнославянскую, западнославянскую и русскую или восточнославянскую. Русских или восточнославянских наречий — три: великорусское, белорусское и малорусское. Каждое из них подразделяется на несколько диалектов, — напр. великорусское на северновеликорусский, южновеликорусский и переходный средневеликорусский. Существует довольно широкая полоса говоров переходных от великорусского к белорусскому наречию, а также от белорусского к малорусскому: но и само белорусское наречие можно рассматривать как ряд переходных говоров, связующих великорусское наречие с малорусским. Все восточнославянские наречия являются потомками одного и того же диалекта праславянского языка, и этот диалект можно обозначить как «общерусский праязык». Этот общерусский праязык распался, — т. е. перестал быть единым субъектом эволюции, — между половиной XII и половиной XIII в.¹: во всяком случае, после этой эпохи мы не можем отметить ни одного языкового изменения, которое коснулось бы всех говоров восточнославянских наречий. Однако, следует заметить, что каждое из языковых изменений, возникавших после эпохи распада общерусского праязыка, имело свои границы распространения, причем границы эти никогда не совпадали с границами одного из трех основных наречий. Поэтому эти наречия нельзя рассматривать как целостные субъекты эволюции, можно сказать, что общерусский праязык распался не на эти три наречия, а на неопределенную массу говоров, которые можно разделить на три группы, назвав каждую такую группу говоров наречием (великорусским, белорусским, малорусским).

Перейдем теперь к рассмотрению особенностей эволюции *литературных языков*.

Если мы присмотримся к литературным языкам современной Европы, то заметим, что каждый из этих литературных языков распространен по сильно дифференцированной лингвистической территории, обнимающей несколько *сильно отличных друг от друга наречий*. При этом, ни один из этих больших литературных языков Европы не совпадает вполне ни с каким живым народным говором. Явления эти не случайны, а коренятся в самой природе литературных языков и наблюдаются не только в Европе, но и во всех других частях света, где только существуют действительно большие литературные языки. Дело в том, что назначение настоящего литературного языка совершенно отлично от назначения народного говора. Настоящий литературный язык является орудием духовной культуры и предназначается для разработки, развития и углубления не только изящной литературы, в собственном смысле слова, но и научной, философской, религиозной и политической мысли. Для этих целей ему приходится иметь совершенно иной словарь и иной синтаксис, чем те, которыми довольствуются народные говоры. Конечно, в самом начале своего возникновения всякий литературный язык исходит из основ какого-нибудь живого говора, обычного городского, и иногда даже простонародного. Но для того, чтобы действительно осуществить свое назначение, литературному язы-

¹ Точно хронологически фиксировать такие явления, разумеется, невозможно.

ку приходится сочинять массу новых слов и вырабатывать особые синтаксические обороты, зафиксированные гораздо строже и определеннее, чем в народном говоре. Все это по существу является «насилованием» и «коверканием» народного говора, лежащего в основе данного литературного языка, и чем эта народная основа сильнее чувствуется, яснее проступает наружу, тем интенсивнее становится ощущение насилования и коверкания, — а это ощущение, разумеется, мешает свободному пользованию литературным языком. Когда новые слова, вводимые в литературный язык в силу необходимости, состоят из элементов словарного материала данного народного говора, то ассоциативная связь этих элементов с теми конкретными значениями, которые они имеют в народном просторечии, сохраняется, и это мешает воспринимать эти новые слова в том значении, которое желает им приписать литературный язык. В силу всего этого, для литературного языка всегда крайне невыгодно быть слишком близким к какому-нибудь определенному современному народному говору, и при естественном развитии всякий литературный язык стремится эмансипироваться от неудобного и невыгодного родства с народным говором. Но, в то же время, слишком большое расхождение литературного языка и современных народных говоров время от времени тоже становится неудобным. Народные говоры в звуковом и грамматическом отношении развиваются обычно скорее, чем языки литературные, развитие которых в этом отношении искусственно задерживается школой и авторитетом «классиков». Поэтому наступают моменты, когда литературный язык и народные говоры представляют настолько различные стадии развития, что оба они несовместимы в одном и том же народно-языковом сознании. В эти моменты между обеими стихиями, — архаично-литературной и новаторски-говорной, — завязывается борьба, которая кончается либо победой старого литературного языка, либо победой народного говора, на основе которого в этом случае создается новый литературный язык, либо, наконец, — компромиссом. При этом следует заметить, что именно отдаленность нормального литературного языка от какого бы то ни было живого современного народного говора способствует тому, что этот язык распространяется на территории не одного, а нескольких говоров. А потому, та борьба между «устаревшим» литературным языком и живым народным говором, о которой мы только что упомянули, может разыгрываться в разных пунктах территории данного литературного языка и привести в разных пунктах к разным результатам. Та же принципиальная отдаленность литературного языка от всякого местного народного говора может иметь и еще одно любопытное последствие: может случиться, что тот живой народный говор, на основе которого некогда развился данный литературный язык, совсем исчезнет, или что в той местности, где живет этот говор, данный литературный язык совсем не привьется, и тогда окажется, что литературный язык, развившийся на основе говора *a* в местности *A*, в конце концов привьется и будет существовать в местности *B*, где господствует народный говор *b*, совсем непохожий на *a*. Наконец, особенностью эволюции литературных языков является их способность влиять друг на друга вне тех пространственно-временных условий, в которых обычно влияют друг на друга живые народные языки. Один живой народный язык может влиять на другой только, если оба они существуют одновременно и географически соприкасаются друг с другом. Между тем, для литературных языков эти условия необязательны: данный литературный язык может подвергнуться сильному влиянию другого, даже если этот последний принадлежит к гораздо более древней

эпохе и географически никогда не соприкасался с территорией данного живого литературного языка. Влияния эти могут быть очень разнообразны и выражаются то в прямом заимствовании отдельных слов, то в копировании способов создания новых слов и синтаксических конструкций.

Все эти особенности эволюции литературных языков следует всегда иметь в виду при рассмотрении истории русского языка.

II

Родословие русского литературного языка приходится начинать очень издавелека, — со времени славянских первоучителей св. равноапостольных Кирилла и Мефодия. Как известно, св. Кирилл перевел Евангелие и некоторые другие тексты Св. Писания и литургической литературы на особый язык, который принято называть «старославянским» или «староцерковнославянским». Язык этот с самого начала был искусственным. В основе его лежал говор славян города Солуни, говор, в основных своих особенностях принадлежавший к праболгарской группе южнославянских говоров, но, в то же время, отличавшийся от прочих говоров той же группы некоторыми чертами и, в общем, даже для своего времени, очень архаичный. Однако, живой народный говор солунских славян, разумеется, не был сам по себе приспособлен для перевода греческих литургических текстов. Св. Кириллу и его брату, св. Мефодию, продолжившему его дело после смерти св. Кирилла, пришлось ввести в солунскославянский говор очень много новых слов. Эти новые слова были частью взяты из говора моравских славян, среди которых протекало апостольское служение свв. первоучителей, частью были заимствованы из греческого, частью же были искусственно созданные из славянских элементов по образцу соответствующих греческих слов. В области синтаксических оборотов первоучители в общем сохраняли основные своеобразные черты славянского языка, но все же подчинились в сильной мере влиянию греческого оригинала, так что в церковнославянском тексте отразились черты того особого греческого синтаксиса, который так характерен для греческого текста Св. Писания. Таким образом возник церковнославянский язык, язык с самого начала своего существования чисто литературный, т. е. более или менее искусственный, существенно отличающийся своим словарем, синтаксисом и стилистикой от того живого народного (солунскославянского) говора, который лег в его основу. Именно, примыкание к более древней греческой литературно-языковой традиции помогло превратить живой разговорный язык солунских славян в язык высшей духовной культуры, в язык литературный по существу.

Выше мы видели, что последним звуковым изменением, общим всем диалектам праславянского языка, было падение слабых *ъ* и *ь*, и что до начала этого изменения праславянский язык еще нельзя было считать окончательно распавшимся. Перевод Св. Писания и создание староцерковнославянского языка было предпринято славянскими первоучителями еще до начала падения слабых *ъ* и *ь*, следовательно, еще до окончательного распада праславянского языка. Это обстоятельство надо иметь в виду, чтобы правильно определить место и значение староцерковнославянского языка в истории развития славянских языков. Как явствует из вышесказанного, староцерковнославянский язык можно рассматривать как литературный язык конца праславянской эпохи. Т. к. во время деятельности славянских первоучителей отдельные отпрыски праславянского языка еще не утратили способности к совместным из-

менениям, и праславянский язык в своем целом еще не перестал быть субъектом эволюции, то, в сущности, отдельных славянских языков в это время еще не было, а были лишь отдельные диалекты единого праславянского языка. При таких условиях создание одного общеславянского литературного языка для всей территории праславянского языка было предприятием вполне осуществимым, причем за основу для такого общеславянского литературного языка можно было принять любой местный говор. Св. Кирилл принял за основу для этого литературного языка говор солунских славян, по-видимому, только потому, что сам был родом из Солуни и практически владел именно этим говором. Но характерно, что самый перевод богослужебных книг и Св. Писания был предпринят св. Кириллом вовсе не для проповеди среди солунских славян, а для просвещения славян моравских, говоривших на диалекте прачехословацкой группы, и что эти моравские славяне, услышав богослужение на церковнославянском языке, восприняли этот язык не как иностранный, а как свой родной.

Таким образом, благодаря деятельности свв. Кирилла и Мефодия, славяне IX в. получили литературный язык. Этот литературный язык не замедлил распространиться среди всех славян, обращенных в христианство, но не у всех этих славян удержался. Прежде всего надо заметить, что в отношении произношения, а отчасти и грамматики и даже словаря, язык этот у разных христианских славянских племен подвергся известным изменениям. Мы знаем, что и напр. современный немецкий язык в устах берлинца звучит иначе, чем в устах венца, что французский язык во Франции, в Бельгии и Швейцарии звучит очень различно, что язык английский в Америке не совсем таков, как в Англии и т. д. И это несмотря на то, что современные большие литературные языки имеют возможность унифицировать произношение путем школы и почти всегда имеют какой-нибудь центр (столицу государства и т. д.), по произношению которого равняются другие города и области. Т. к. у славян IX—X в. ничего подобного не было, и т. к. город Солунь, говор которого был положен славянскими первоучителями в основу литературного языка, не только не играл в жизни всего славянства сколько-нибудь значительной роли, но даже не был чисто славянским городом, то естественно, что отклонения от солунской нормы произношения и грамматики в различных частях христианскославянского мира были довольно значительны. Если в Македонии староцерковнославянский язык еще долго сохранял довольно хорошо свой первоначальный облик, то в других областях очень рано возникли местные переработки этого языка применительно к особенностям местного говора. Следует, однако, заметить, что полного применения к фонетике, грамматике и словарию местного говора нигде не происходило, так что мы можем говорить только о местных видоизменениях одного и того же староцерковнославянского языка, сохранившего свою индивидуальность всюду, несмотря на эти видоизменения.

Таким образом, единый староцерковнославянский язык уже в очень древнее время претерпел известные местные изменения и непосредственно породил ряд местных форм. Нам известно несколько таких видоизмененных местных форм (или «редакций»), восходящих непосредственно к староцерковнославянскому языку: македонско-церковнославянский язык (в глаголических памятниках), стоящий ближе всего к старому прототипу, далее хорватско-церковнославянский язык (в глаголических памятниках), древнеболгарско-церковнославянский язык, и язык так называемых «Киевских листов» — загадочного памятника, скорее всего чешского

(моравского) происхождения². Из этих непосредственных наследников староцерковнославянской литературно-языковой традиции только древнеболгарско-церковнославянский язык оказался плодотворной лозой. Остальные вышеперечисленные ветви вскоре совсем захирели и исчезли, за исключением разве хорватско-церковнославянского, существовавшего дольше других, но уже не в старом своем виде, а с сильной примесью болгарской традиции. Таким образом, прямым продолжением линии староцерковнославянской традиции явился только именно древнеболгарско-церковнославянский язык. Этот последний представляет из себя основательную переработку староцерковнославянского языка, предпринятую в старом болгарском царстве под покровительством болгарских царей (особенно Симеона — книголюбца) и при участии византийски образованных болгарских иерархов, монахов и священнослужителей. Изобретенный св. Кириллом алфавит, т. наз. «глаголица», был заменен новым алфавитом, который у нас по недоразумению принято называть «кириллицей», хотя лучше было бы называть его «симеоницей», и который был создан на основе греческого заглавного письма с добавлением некоторых букв из глаголицы (в сильно измененном виде). Видоизменен был также словарный состав староцерковнославянского языка, введено было много новых слов, созданных по образцу соответствующих греческих или заимствованных из живого болгарского говора, устранены были некоторые слова моравского происхождения или прочие заимствования из греческого, отдельные, по-видимому, уже устаревшие или слишком «диалектические» солунскославянские или моравскославянские слова были заменены другими, более употребительными в разговорном языке высших классов старого болгарского царства. Подновлена была и грамматика. Словом, церковнославянский язык предстал в новом, освеженном и более вытощенном виде. И в таком виде он стал не только официальным языком Церкви и болгарского царства, но и мощным орудием прививки византийской духовной культуры к славянскому племени. Через посредство многочисленных переводов с греческого, предпринятых в эпоху расцвета болгарского царства, славянский мир как бы жадно всасывал в себя богатства духовной культуры Византии. На этих переводах выработывался и самый стиль церковнославянской литературы, стиль, всецело определяемый влиянием греческого литературного языка и греческой литературной традиции, но в то же время настолько укоренившийся, что сохранялся даже

² Киевские «листки» представляют из себя небольшой (в семь листов) отрывок служебника по римско-католическому (западному) обряду, но на церковнославянском языке: написан этот памятник глаголицей, при том, с чрезвычайно архаичным начертанием букв; по внешним признакам памятник относится к X веку. Наиболее характерной чертой языка этого памятника является замена староцерковнославянского *щ* (произносившегося первоначально как *шт*) через *ц* и сочетания *жд* через *з*: напр. *обцѣль* (вм. *обцѣль*), *подаць* (вм. *подаждь*). Это и дает право предполагать, что памятник этот написан чехом (моравянином); в чешском языке старославянским *щ* и *жд* действительно соответствуют *ц*, *з* (церковнослав. *нощъ* — чешск. *нос*, церковнослав. *между* — чешск. *межі* и т. д.), а в десятом веке, т. е. в эпоху до «падения слабых еров», чеху было даже трудно выговорить сочетания *шт*, *жд*, так что при чтении церковнославянского текста он должен был чем-то их заменять (остальные церковнославянские звуки и звукосочетания в то время для чеха трудностей не представляли). Ту же черту представляют и т. наз. «Пражские листки» (отрывок богослужебного текста по восточному обряду) конца XI в., — памятник уже несомненно чешского происхождения. Эти «Пражские листки», представляющие кроме указанной черты еще много других «чехизмов», показывают, что в Чехии в свое время сложилась особая редакция церковнославянского языка. К сожалению, однако, церковнославянская традиция в Чехии вскоре захирела, так что «Пражские листки» являются памятниками единственными в своем роде.

и в оригинальных, непереводах произведениях болгарских авторов. Присоединение к греческой литературно-языковой традиции, таким образом, по сравнению со староцерковнославянским языком славянских первоучителей, не только не ослабло, но, пожалуй, еще усилилось.

Будучи по своему происхождению местным видоизменением староцерковнославянского языка, древнеболгарско-церковнославянский язык, в свою очередь, распространился среди других славянских племен, претерпев опять-таки у этих племен местные видоизменения. Но условия теперь были уже несколько иные. Во-первых, расхождение между римской и византийской церквями к тому времени настолько уже обозначилось, что славянский литургический язык, являвшийся в своей второй древнеболгарской редакции ярким проводником византийского влияния, не мог распространиться среди тех славян, которые были подчинены римской церкви. А во-вторых, древнеболгарско-церковнославянский язык был уже гораздо более оформлен и определен, чем староцерковнославянский, и потому не мог подвергаться таким сильным местным видоизменениям. Те местные видоизменения, которые он претерпевал, касались, главным образом, его звуковой стороны и лишь отчасти в очень слабой мере грамматики.

Таковыми местными видоизменениями древнеболгарско-церковнославянского языка являются старосербский церковнославянский язык (известный по памятникам с XII в.) и старорусский церковнославянский язык (известный по памятникам с XI в.). Кроме того, таким же видоизменением следует считать и среднеболгарский язык, господствовавший в Болгарии с XII в.³ Из этих трех ветвей две засохли, не оставив потомства, и только одна русская ветвь выжила.

На русской почве церковнославянский язык, перенесенный из Болгарии, с самого начала претерпел некоторые изменения в звуковой своей стороне. Так, существовавшие в церковнославянском языке носовые гласные («юсы») были заменены теми гласными (у, а, ю), которые развились в живом русском народном языке из этих гласных: мгновенное е, чуждое тем южным прарусским говорам, на территорию коих церковнославянский язык попал раньше всего, было заменено нормальным для этих говоров «придыхательным» (точнее: длительным) г, причём это произношение переносилось даже и в те севернорусские области, где народный язык имел мгновенное г. Но, в общем, русские вначале стремились как можно точнее подражать «образцовому» произношению южных славян, и в древнерусских церковнославянских текстах постоянно встречаются следы совершенно искусственного коверкания произношения в угоду приближения к тогдашнему южнославянскому произношению. Следует заметить, что первоначально произношение церковнославянского языка в разных областях русской территории было довольно различно: строже всего держались южнославянского образца в Киеве, тогда как в Новгороде, с одной стороны, и в Галицко-Волынской области, с другой, отклонения в сторону приближения к фонетике живого местного говора были сильнее. Как бы то ни было, видоизменения касались главным образом звуковой стороны языка: отдельные русские грамматические окончания проникали в тексты только в порядке случайных ошибок, а словарный состав

³ Следует заметить, что, хотя пользование «кириллицей», а не глаголицей, ясно указывает на непосредственное восхождение именно к древнеболгарской традиции, тем не менее некоторые древние памятники сербскоцерковнослав. и русскоцерковнослав. языка сохранили следы сильного влияния т. наз. македонскоцерковнослав. литературы, писанной глаголицей.

церковнославянского языка оставался и вовсе незатронутым. В таком слегка видоизмененном виде церковнославянский язык в древней Руси рассматривался как единственный литературный язык, и на нем писались даже оригинальные, не переводные произведения русских авторов.

С течением времени первоначальная пестрота произношения древнерусско-церковнославянского языка сменилась единообразием. В связи с распределением всей русской территории между двумя большими государствами, возникли два русских центра церковнославянского языка, один — восточный, в Москве, другой — западный, в конце концов локализовавшийся в Киеве. Произношение и грамматика в обоих центрах были в общем одинаковы, но довольно различны были стили, в которых писались оригинальные и переводные произведения на церковнославянском языке с одной стороны западнорусскими, с другой — восточнорусскими авторами.

В то же время церковнославянская литература развивалась и у южных славян, причем в связи с этим развитием совершенствовалась и стилистика церковнославянского языка и все более и более стабилизировалась его грамматика и словарь. Но, в связи с турецким завоеванием и разрушением южнославянских царств, литературная деятельность южных славян попала в чрезвычайно неблагоприятные условия. Отдельные представители южнославянской образованности с XIV в. стали эмигрировать в Россию, где встретили радужный прием и сейчас же были использованы как литературные силы. Благодаря им, в русскую церковнославянскую традицию влилась сильная струя церковнославянской традиции сербской и среднеболгарской, и это — в такое время, когда на Балканах эта южнославянская традиция уже постепенно умирала⁴. К XVII в. сербская и болгарская церковнославянские традиции как самостоятельные отпрыски основного древнеболгарского-церковнославянского ствола окончательно умерли, успев, таким образом, перед смертью вдохнуть новую жизнь в русскую церковнославянскую традицию.

К XVII в. церковнославянская традиция жила еще только в двух центрах — в Москве и в Киеве, — из которых каждый имел свой район влияния. При этом традиция московская была не совсем та же, что традиция киевская. После присоединения Украины такое сосуществование двух традиций церковнославянского языка стало невозможным. Должна была наступить унификация. Процесс этот протекал на безболезненно: всем известно, сколько бури вызывало исправление московских богослужебных книг по львовским и киевским образцам и деятельность в Москве киевских ученых. Как бы то ни было, в XVII в. киевская традиция церковнославянского языка одолела московскую, вытеснила ее в старообрядческое подполье, а сама воцарилась в Москве, сделавшись отныне общерусской. Разумеется, эта киевская традиция при этом сама претерпела кое-какие изменения, применившись к новым обстоятельствам и впитав в себя некоторые черты традиции московской.

Таким образом, в XVII в. из соединения восточнорусского церковнославянского языка с западнорусским (при преобладании именно этого последнего) возник общерусский церковнославянский язык. А т. к.

⁴ Под влиянием этой новой струи южнославянского влияния произошли, между прочим, некоторые изменения уже установившегося в России произношения, притом, изменения в сторону восстановления исконного южнославянского произношения известных звуков. Так, с этого времени стали произносить *мед* в таких словах как *вижду*, *ограждение* и т. д.: раньше в этих случаях в церковном языке произносили не *мед*, а *ж* (*вижду*, *огражение*) под влиянием русского народного языка.

в предшествующие века русский церковнославянский язык вобрал в себя традицию южнославянскую, прекратившую свое самостоятельное существование, то этот образовавшийся в XVII в. общерусский церковнославянский язык оказался единственным носителем староправославянского преемства и сделался языком всех православных славянских церквей⁵; с этого времени и южные славяне пользуются в православном богослужении книгами русской редакции со всеми чертами русского произношения, хотя и видоизмененными слегка, благодаря природному, «акценту» туземных южнославянских языков⁶.

В самой России церковнославянский язык в XVIII в. претерпел, кажется, лишь одно звуковое изменение, приблизившее его к светско-литературному языку, именно, утратил различие в произношении между *ѣ* и *е*⁷. В настоящее время наблюдается тенденция ввести в церковнославянское произношение и свойственное светско-литературному языку «аканье», но тенденция эта пока выражена лишь слабо, наблюдается только у отдельных священнослужителей и певчих (преимущественно в любительских хорах) и вряд ли способна утвердиться; кроме того, в Москве, в северной Великодержавии и в некоторых южновеликодержавских городах, тянущих к Москве, духовенство (не говоря уже о певчих) за последнее время стало произносить и звук *з* по-северновеликодержавски, вместо старого придыхательного *з*, державшегося в церковном произношении с начала принятия христианства и ставшего одно время характернейшей приметой «семинарского произношения». Эта способность претерпевать изменения⁸ показывает, что церковнославянский язык еще продолжает *жить*.

Итак, церковнославянский язык русской редакции есть единственный живущий до сего дня прямой потомок старославянского языка свв. славянских первоучителей. Этот же церковнославянский язык русской редакции лежит в основе и светского русского литературного языка. Процесс возникновения этого последнего представляется в следующем виде.

Еще в домонгольской Русси областные говоры русского языка были до некоторой степени официальными языками соответствующих городов и княжеств. На церковнославянском языке писались произведения религиозного содержания или вообще касающиеся высшей духовной культуры и Церкви, в принципе даже произведения чисто литературные. Напротив, все «деловое», относящееся к практической жизни, грамоты, договоры, светско-законодательные акты, завещания, описи и т. под. писались на местном русском говоре со спорадическим введением в текст тех или иных отдельных церковнославянских слов и выражений. С течением времени этот деловой, канцелярский письменный язык, чисто рус-

⁵ В галицийских *униатских* церквях церковнославянский язык, по-видимому, ведет свое начало прямо от западнорусской церковнославянской традиции (с видоизменением в угоду украинскому произношению), но, кажется, тоже не без влияния общерусской.

⁶ Так, *и* произносится как *и*, а *е* и *ѣ* — как *э*, вместо *я* — всюду *ья* (*съят*, *тъязько*); кроме того сербы заменяют сочетание *ес* через *се* и часто смещают ударение.

⁷ Старобрядячии еще сохранили это различие, именно, произносят *ѣ* так же, как и никониане, а *е* после согласных — как *э*.

⁸ Кроме указанных изменений в области произношения, происходят некоторые изменения и в области словаря: так даже при чтении богослужебных текстов слово *живот* заменяется словом *жизнь*; в новых молитвах или молитвенных формулах, вводимых в богослужении в XIX и XX в., словарный состав уже не тот, что прежде. Что касается до грамматики, то можно отметить, что некоторые священнослужители за последнее время стали при чтении Св. Писания заменять формы двойственного числа формами множественного.

ский по своему словарному составу, грамматическому, синтаксическому и стилистическому строю, постепенно фиксировался. Со времени раздела русской территории между двумя большими государствами, Московским и Литовскорусским, процесс этот еще усилился, и в результате образовались два таких светско-деловых русских языка, западнорусский и московский. Оба языка были в тоже время и разговорными языками чиновников и правящих классов соответствующих государств.

Западнорусский светско-деловой язык подвергся сильному польскому влиянию, сила которого с течением времени все возрастала в связи с ополчением русских правящих классов в русских областях, подпавших под польское владычество. В конце концов, этот западнорусский светско-деловой язык, уже почти совсем ополяченный, в официальных актах вовсе перестал применяться, заменившись польским, да и в качестве разговорного языка высших классов был вытеснен чисто польским. Но до этого полного захирения западнорусского светско-делового языка был сделан опыт создать на его основе особый светско-литературный язык (для научных, публицистических и беллетристических произведений), введя в него для этой цели и некоторое количество церковнославянских элементов; получилась пестрая и неформленная смесь польского с церковнославянским при почти полном отсутствии специфически русских элементов. На этом, собственно, церковнославянопольском западнорусском светско-литературном языке еще в XVII в. писалось довольно много. Но этот неуклюжий искусственный язык не удержался. В русских областях, оставшихся под властью Польши, язык этот был вытеснен чисто польским, а в областях, присоединившихся к Москве, язык этот вымер, успев, однако, оказать сильнейшее влияние на русский литературный язык.

Московский светско-деловой язык сложился на основе средневеликорусского говора города Москвы и сделался, как указано выше, не только официальным государственным языком московских приказов, но и разговорным языком служилого сословия Московского государства. Кроме государственных актов на этом языке писались и некоторые литературные произведения без особых претензий на «литературность» — напр. такие произведения, как описание путешествий в далекие страны или знаменитый памфлет Котошихина. Собственно литературным языком оставался все же язык церковнославянский, на котором писались не только произведения религиозно-устического характера, но и произведения научного и просто беллетристического содержания.

Когда в XVII в. церковнославянский язык московской редакции был вытеснен общерусским церковнославянским языком, сложившимся на основе западнорусской (киевской) традиции, стали происходить изменения и в разговорном языке высших классов русского общества. В язык этот стали проникать элементы западнорусского светского языка, причем особенно много этих элементов было, конечно, в разговорном языке «западнически» настроенных людей. При Петре именно эти люди стали играть руководящую роль, а вместе с ними продолжали выдвигаться и коренные киевляне и западноруссы. В связи с этим в словарь разговорного языка высших классов (а через него и в словарь светски-литературного и канцелярского языка) влилась мощная струя элементов западнорусского светски-делового языка, который, однако, сам вскоре прекратил свое существование. К заимствованиям из западнорусского светского делового языка не замедлили присоединиться многочисленные слова, заимствованные из всевозможных романо-германских языков. Т. о., разговорно-де-

ловой язык высших классов] русского общества, оставаясь средневеликорусским (московским) по своему произношению и по грамматике, значительно утратил чистоту своей великорусской основы в области словаря.

Что касается до соотношения функций церковнославянского и чисто русского языков, то, в общем, оно и в первой части XVIII в. оставалось тем же, каким было раньше, с тою лишь разницею, что, в силу изменившихся культурно-исторических условий, светская литература все более эмансипировалась от религиозной, что вело к дифференциации в области языка. Собственно, в сознании грамотного русского жили совместно, по крайней мере, три языка, каждый прочно ассоциировавшись со своей специальной сферой применения: языки чисто-церковнославянский, применяемый в богослужении, в произведениях религиозного содержания и прочно ассоциированный именно с религиозной сферой представлений; собственно-русский язык, применяемый в практически-деловой жизни и в «домашних» разговорах на простые житейские темы и ассоциированный со сферой представлений практической повседневной жизни; наконец, упрощенно-церковнославянский язык, ассоциированный с наукой и со светской литературой более или менее выпрениной и торжественной, но без того специфического оттенка, который отличал чисто религиозную выпрениность⁹.

Этот язык светской литературы (славяно-российской) по своему словарному составу был чисто-церковнославянским, отличаясь в этом отношении от богослужебного языка только сначала избеганием, а потом и отсутствием некоторых специфически церковных слов (вроде *абие*, *еда*, *етеръ*, *иногда* в значении «некогда» и т. д.), но в своем грамматическом строе приближался к русскому разговорному, как по отсутствию некоторых специфически церковнославянских форм (напр., форм прошедшего времени вроде *несохъ*, *носяще*, форм двойственного числа, дательного на — *ови*, множественного на — *ове* и т. д.), так и присутствием специфически русских окончаний и синтаксических оборотов.

Из тех трех языков, которые совместно жили в сознании каждого грамотного русского, чисто-церковнославянский выделялся как особый языковой тип, с застывшей, строго определенной и (в принципе) более уже не подлежащей изменению структурой и строго определенной сферой применения. Остальные два, — чисто-русский деловой и упрощенно-церковнославянский светско-литературный, — сознавались не как два особых языка, а скорее как два разных стиля одного языка, причем граница применения того и другого постепенно становилась все менее определенной. Сообразно с этим, по-видимому, изменилось и произношение упрощенно-церковнославянского языка, и изменилось в сторону приближения к чисто-русскому. Так получилось, что одно и то же церковнославянское по своему происхождению слово в богослужебном тексте произносилось иначе, чем в тексте светском литературном (напр., в первом случае — с «оканьем», во втором — с «аканьем»). В то же время шло, все усиливаясь, изменение грамматического состава светско-литературного языка, опять-таки в сторону применения к чисто русской грамматике. Наконец, началось и выравнивание словарного состава. Здесь наблюда-

⁹ Особое положение занимал еще язык канцелярского делопроизводства. Некогда чисто русский, он со временем все больше и больше впитывал в себя церковнославянских элементов, остававшихся чуждыми разговорному языку (вроде *попелже*, *поелику* и т. д.). Кроме того, и сам великорусский элемент канцелярского языка выступал в более архаичном виде, чем в разговорном. Таким образом, этот канцелярский язык в XVIII в. (да и позднее) не совпадал ни с литературным, ни с разговорным.

лось проникновение словарных элементов светско-литературного языка в разговорно-деловой. И, очевидно, причина этого явления лежала в изменении культурного облика грамотных русских и в соответственном изменении самых тем повседневных разговоров. Прежде эти повседневные разговоры вращались исключительно в сфере «низких предметов»; разговоры на «высокие» темы были необычны, и эта необычность сказывалась сразу в полной перемене всего словарного, грамматического и синтаксического строя речи. Но с течением времени выработался особый тип грамотных русских людей, для которых подобные разговоры о «высоких предметах» были вовсе не необычны, во всяком случае, не более, а скорее даже менее необычны, чем разговоры о предметах «низких». У таких людей грань между повседневным разговорно-деловым и «возвышенным» литературным языком (точнее, — стилем) должна была ступевываться, и они начинали употреблять слова и обороты, свойственные светско-литературному языку, также и в самых простых повседневных разговорах житейско-делового характера. У таких людей происходило, следовательно, постепенное «олитературивание» разговорного языка. Но параллельно с этим процессом шло и «обрусение» светско-литературного языка. Из словаря этого языка стали исчезать некоторые церковнославянские элементы, заменяясь соответствующими русскими. Характерно, что это происходило особенно со словами «вспомогательными» (вроде *паки, паче, иже, понеже* и т. д.), употребляемыми обычно совершенно автоматически, с минимальной установкой языкового внимания: люди, для которых грань между литературным и разговорным языком уже стиралась, не могли уже делать различия между этими двумя языками в таких автоматических, подсознательных элементах своей речи.

Таким образом, к концу XVIII в. разговорный язык руководящих слоев русского образованного общества настолько «олитературился», а светско-литературный язык, употребляемый теми же слоями в писаниях, настолько «обрусел» в своем формальном составе, что слияние этих обоих языков воедино стало почти неизбежным. К началу XIX в. это слияние действительно и произошло. В принципе разговорный язык русской интеллигенции был объявлен литературным, т. е. на этом языке стали писать все, начиная от частных писем и вплоть до философских трактатов и стихотворений. Конечно, различие между отдельными сферами литературного применения этого языка не совсем исчезло, и различие это сказывается в разном процентном отношении церковнославянского и русского элементов. Писатели первой половины XIX в. в стихах допускают массу таких церковнославянских слов, которых в прозе уже никто не употребляет (напр., *з л а т о, д е в а, о ч и, з е н и ц а* и т. д.) и, наоборот, в стихах избегают таких русских слов и оборотов, которые в прозе совсем обычны. Язык научный заключает в себе гораздо больше церковнославянских слов, чем язык беллетристики. Но все это не ощущается уже как различие между разговорным и специфически-литературным языками, а лишь как различие стилей, притом, необязательное.

Таким образом, можно сказать, что современный русский литературный язык получился в результате прививки старого культурного «садового растения» — церковнославянского языка к «дичку» разговорного языка правящих классов русского государства. Русский литературный язык в конечном счете является прямым преемником староцерковнославянского языка, созданного свв. славянскими первоучителями в качестве общего литературного языка для всех славянских племен эпохи конца праславянского единства.

Для того, чтобы иметь правильное представление о происхождении и современных свойствах русского литературного языка, надо сопоставить его историю с историей других современных славянских литературных языков.

Кроме русского литературного языка преемником староцерковнославянской традиции является только еще современный болгарский литературный язык. Но преемство здесь не прямое, как в русском, а опосредствованное русским влиянием. Среднеболгарская литература в свое время захирела и умерла. В эпоху так называемого новоболгарского возрождения старая литературно-языковая традиция настолько прочно была забыта, что тогдашние болгарские писатели и публицисты не могли возродить ее и примкнули к литературной традиции русской. Болгарский литературный язык того времени был лишь, так сказать, болгаризованной формой русского литературного языка, причем, естественно, из русского литературного языка почерпались, главным образом, его церковнославянские элементы, но все же в их русской, а не среднеболгарской форме. В дальнейшем влияние русского языка на болгарский литературный язык всегда продолжало оставаться чрезвычайно сильным, и, хотя у современных писателей и замечается тенденция к все большему выдвигению чисто болгарского народного словаря, полная эмансипация от тесной связи с русской литературно-языковой традицией вряд ли осуществима. Пропедевский через горнило русского литературного языка, церковнославянский словарный материал в русском обличии является тем мощным звеном, которое связывает современный болгарский литературный язык с общеславянской литературно-языковой традицией.

Прочие современные южнославянские литературные языки не стоят ни в какой связи с церковнославянской традицией. Мы уже видели, что старый сербскоцерковнославянский язык погиб в эпоху турецкого владычества, и что богослужебный язык сербской церкви есть церковнославянский язык русской редакции. В XVIII в., в эпоху постепенного обрусения упрощенно-церковнославянского светско-литературного языка в России, этот особый тип тогдашнего русского литературного языка проник и к сербам, породив у них так называемый «славяно-сербский» язык (точнее, «русскоцерковнославянский язык с сербизмами»), употреблявшийся сербскими писателями довольно долго еще и в начале XIX в. Но эта традиция тоже прекратилась, и современный сербохорватский литературный язык не имеет с ней ничего общего. Этот современный литературный язык не примыкает и к чисто национальной сербохорватской традиции средневековой далматинской (дубровчанской) литературы, язык которой сложился на основе народного говора Дубровника (Рагузы) под сильным влиянием итальянского языка. Современный сербохорватский литературный язык возник *ex abrupto* на основе простонародного говора. Создателем этого языка был смелый реформатор Вук Караджич. Таким образом, в противоположность истории образования русского литературного языка, характеризуемой постепенностью и органической непрерывностью литературно-языковой преемственности, история сербохорватского литературного языка отмечена резким и полным разрывом с традицией и, притом, разрывом не вынужденным, а добровольным.

Современный словенский литературный язык тоже основан на современном народном говоре и тоже без всякого примыкания к какой-либо старой традиции. Следует только отметить, что на этот язык оказал влияние созданный Вуком Караджичем сербохорватский литературный язык, и что это влияние теперь, благодаря вхождению словенцев в одно государство с сербами и хорватами, несомненно еще усилится.

Западнославянские литературные языки с самого начала не стояли ни в какой связи со староцерковнославянской традицией. Правда, эта традиция в свое время проникла в Чехию, но не пустила глубоких корней и умерла, не оказав сколько-нибудь значительного влияния на старочешский язык. Этот последний сложился как письменный язык совершенно самостоятельно в XIII в. (вероятно, даже раньше) и очень рано стал языком не только государственным, но и литературным. В основе его лежал живой разговорный язык чешских горожан, но «литературность» придана была ему, главным образом, многочисленными переводами с латинского и с немецкого, сыгравшими для него ту же роль, что переводы с греческого для церковнославянского: «новые слова», поскольку они не являлись просто заимствованными из латинского или немецкого, создавались из чешского языкового материала путем калькирования немецких и латинских. Первоначально диалектически довольно пестрый, этот старочешский язык с течением времени все более выравнивался применительно к среднечешскому наречию. Благодаря деятельности Яна Гуса и так называемых «чешских братьев» чешский язык к XVI в. принял совершенно оформленный вид. Но неблагоприятно сложившиеся обстоятельства прервали его дальнейшее развитие, и чешская литературная традиция на долгое время почти совершенно иссякла. Только в конце XVIII и в начале XIX в. началось возрождение чешского литературного языка. При этом, деятели чешского возрождения обратились не к современным народным говорам, а к прерванной традиции старого чешского языка конца XVI в. Разумеется, язык этот пришлось несколько подновить, но все же, благодаря этому примыканию к прерванной традиции, новочешский язык получил совершенно своеобразный облик: он архаичен, но архаичен искусственно, так что элементы совершенно различных эпох языкового развития в нем уживаются друг с другом в искусственном сожительстве. Благодаря этому, новочешский литературный язык существенно отличается от живых народных говоров. Выравнивание идет в двух направлениях: через школу литературный язык стремится заменить собою нелитературное «просторечие», а это последнее через газеты и реалистическую беллетристику неудержимо стремится наложить свое обличье на литературный язык. Характерным для чешского литературного языка является далее усиленное создание новых слов для замены иностранных. Исторически это было вызвано необходимостью, т. е. в силу усиленной германизации и долгого перерыва национальной литературно-языковой традиции чехи в начале XIX в. совершенно почти разучились говорить по-чешски. Но, направившись сначала против немецких заимствований, это пурификаторское стремление в конце концов привело к созданию новых слов и для таких понятий, которые во всех европейских языках выражаются греко-латинскими словами. При этом, «новые слова», разумеется, являются большей частью кальками соответствующих иностранных, при этом кальками подчас весьма искусственными и неуклюжими. Это обилие искусственно созданных новых слов еще усиливает отличие литературного языка от народных говоров и даже от интеллигентского «просторечия», в котором немецкие слова продолжают

играть видную роль¹⁰. Старочешский язык очень рано «отполировался» на переводах с латинского и немецкого и выработал довольно детальную терминологию для всевозможных отвлеченных понятий и для представлений религиозной сферы. Язык старопольский и стал литературным гораздо позднее чешского, и, т. к. между Польшей и Чехией существовало довольно оживленное культурное общение, а польский и чешский языки в XIV в. были фонетически и грамматически гораздо ближе друг к другу, чем в настоящее время, то неудивительно, что в начале своего литературного существования старопольский язык испытал на себе чрезвычайно сильное чешское влияние. В своей основе старопольский литературный язык развился из разговорного языка польской шляхты, и эта его связь с определенным сословием, а не с определенной местностью, сказалась в том, что он с самого своего начала не отражал в себе никаких специфически местных, диалектических черт и никогда не совпадал ни с одним местным народным говором: в то время как, напр., русский литературный язык в отношении произношения может быть определенно локализован в области средневеликорусских говоров, польский литературный язык вовсе не поддается локализации на диалектической карте этнографической Польши. Литературная традиция польского языка с XIV в. никогда не прекращалась, так что в отношении продолжительности и непрерывности литературной традиции польский язык среди славянских литературных языков занимает следующее место после русского. В то же время литературная традиция польского языка является почти замкнутой: только в начале своего существования он испытал, как сказано выше, довольно сильное чешское влияние. Зато в эпоху чешского возрождения наблюдается обратное влияние польского языка на вновь воссоздаваемый новочешский.

С л о в а ц к а я литературно-языковая традиция началась довольно поздно, в конце XVII и в начале XVIII в., в период упадка чешской традиции, когда чешский язык влачил жалкое существование в немногочисленных популярных книжках преимущественно религиозного содержания. В эту эпоху словацкий язык стал проникать в такие же популярные книжки (составленные преимущественно иезуитами), в сущности, только как диалектическая разновидность чешского. В течение всего XVIII в. литература на словацком языке пребывала в общем на том же уровне, и только с конца 30-х годов XIX в. началось интенсивное созидание настоящего словацкого литературного языка. В основу его были положены народные говоры среднесловацкого наречия. Несмотря на стремление основателей и главных деятелей словацкой литературы отмежеваться от чешского языка, примыкание к чешской литературно-языковой традиции для словаков настолько естественно, что противоборствовать ему невозможно. Отличия словацкого и чешского литературных языков главным образом грамматические и фонетические, словарный же состав обоих языков почти одинаков, особенно в сфере понятий и представлений высшей умственной культуры.

Литературные языки л у ж и ц к и е (верхнедужицкий и нижнедужицкий) возникли, можно сказать, в XIX в., ибо ранее на этих языках

¹⁰ Оригинальное положение создается тем, что искусственные новые слова изобретаются, главным образом, для обозначения понятий отвлеченных или предметов высшей культуры, тогда как в обозначении предметов домашнего обихода, сельского хозяйства, ремесел и проч. искусственное словоизобретательство не прививается: т. о. слов, заимствованных из немецкого, в «нижних слоях» словаря чешского литературного языка оказывается гораздо больше, чем в слоях «верхних».

имелись лишь немногочисленные произведения религиозного содержания (древнейшие — XVI в.). На лужицкие литературные языки оказал довольно сильное влияние язык новочешский, но в принципе каждый из этих языков основан на живых народных говорах.

Таким образом, можно сказать, что хотя каждый из современных западнославянских литературных языков возник самостоятельно, притом на основе данного живого разговорного языка, тем не менее все они связаны друг с другом известной общей литературно-языковой традицией. Но связь эта носит характер не преемства, а взаимного влияния, причем источником этого влияния является литературный язык чешский, сильно повлиявший в средние века на польский, в новое время — на словацкий и оба лужицкие и при своем возрождении сам испытывший на себе польское влияние.

(Окончание следует)